

Фестиваль поэзии в Кахраманмараше. Город мороженого, чистой воды и грецких орехов

Некто прочитал в журнале «Иностранная литература» моё эссе «Турецкие университеты» и рекомендовал организаторам международного фестиваля поэзии в турецком Кахраманмараше пригласить меня. Мне позвонили за три дня до его начала.

Думала недолго. Помимо безусловной радости человеческого общения и перемещения в пространстве, особенно желанного в короновирусную эпоху, не оттолкнули и условия участия: полный семидневный пансион в четырёхзвёздочном отеле плюс гонорар, равный стоимости авиаперелёта на родину. По немалому фестивальному опыту, знаю, фестивали в провинциях зачастую лучше орга-

Интервью одному из телеканалов Турции

низованы, чем в столицах...

За мной прислали машину. Окружающие горы медленно проплывали, как верблюды. Высокая скорость не ощущалась. Дорога в 250 километров от Кайсери до Кахраманмараша заняла менее двух часов. Дорога, как повсюду в Турции, была превосходна. Проехали несколько многокилометровых тоннелей. Хотя там и были указатели ограничения скорости до семидесяти километров, водитель ехал сто двадцать. Поначалу меня это тревожило, потом решила довериться ему и не предъявлять...

Кахраманмараш — небольшой город, который славится, прежде всего, мороженым, оно делается на основе

козьего молока, но запах его не чувствуется. Считается также: здесь самая чистая вода в Турции и самые вкусные грецкие орехи. Туристов в этом городе практически нет. Он остаётся в тени соседей — более крупных городов Анкары и Аданы.

Кахраманмараш был основан хеттами Бог знает когда. А если точнее, в 1000 году до нашей эры. История его сложна и разноречива. До 1973 года город назывался Мараш (Maraş). Многие и сейчас так его называют. В октябре 1973 года к названию города было прибавлено слово Kahraman (герой).

На фестиваль съехались около ста участников. Примерно десять из

них — иностранные поэты. Список стран весьма эклектичный: Россия (я), Украина (Людмила Дьяченко), Венгрия (Balazs Szollosy), Словакия (Nagy Hajnal Csilla), Македония, Венесуэла, Азербайджан, Сирия...

Фестиваль как фестиваль: выступления, встречи, концерты, экскурсии, прогулки и даже съёмки в документальном фильме для ЮНЕСКО в Караван-сараях высоко в горах. Пафосное открытие в культурном центре на триста мест. Но реальных сидячих мест было в два раза меньше, как теперь принято. На закрытии нам вручили на память дивное пылесобирающее нечто из хрусталя в красной бархатной коробке. Организаторы любезно позволили мне отлучиться для проведения университетских занятий в зуме. Так что четверть фестивального времени я провела в гостиничном номере.

Запомнилась поездка в Чалаянджерит, куда мы поехали небольшой группой. Выступали в мэрии перед чиновниками. Женщин и детей в зале не было. Мэр задал несколько толковых вопросов. Один из них звучал и вовсе актуально для меня: возможен ли идеальный перевод поэзии с одного языка на другой? Он был сформулирован, правда, немного другими словами на турецком языке, но суть та же. Ответила: невозможен. Но переводить нужно. И переводить — тоже.

В Турции легко заводятся знакомства и возникают дружбы. Посетив однажды кафе или маленькую лавку,

ты становишься добрым знакомым хозяина или продавца. А после второго посещения — уже и другом. Купив шарф в маленьком магазине около отеля, я повстречала его хозяина на улице на другой день. Он пригласил на обратном пути зайти к нему в магазин на кофе. В Турции это обычная практика: предлагать кофе-чай в учреждениях и маленьких магазинчиках. Кофе был хорош: в меру горький и ароматный. Хозяин — бывший учитель литературы в школе. Особо подчеркнул, что читал Толстого. Бизнес не приносит хорошую прибыль, собирается на заработки в Россию куда-то в западную Сибирь. Я же рассказала о фестивале и о том, что живу в Кайсери и преподаю в университете.

Первые дни пребывания в этой стране меня немного утомляло, а порой и раздражало нездоровое, как мне тогда казалось, любопытство окружающих ко мне и к моей жизни. Потом я привыкла к этому и перестала считать чем-то раздражающим. Теперь и сама могу завязать разговор и порасспросить о жизни случайного собеседника. Это часть турецкого менталитета — открытость и бесхитрость. Понятно, что и среди турков встречаются закрытые люди.

Масштабный карантин и комендантский час по всей Турции

С 1 декабря в Турции введён жёсткий карантин. Президент страны выступил с большой речью, призвал сохранять спокойствие, быть силь-

ными, беречь себя и близких. Теперь нельзя выходить из дома после девяти вечера. А по выходным, начиная с вечера пятницы, выходить нельзя до рассвета понедельника. Особенно пострадают маленькие дети и их родители... А молодым людям до двадцати и пожилым людям старше шестидесяти пяти запрещено пользоваться общественным транспортом. Закрылись детские сады, хамамы, сауны, бассейны, парки развлечений. Школы переведены на онлайн-обучение. Рестораны будут работать только на доставку. Правда, это правило не распространяется на рестораны в отелях. Но пускать туда будут только тех, кто зарегистрировался в отеле.

Моя Каппадокия. Кайсери. Покорение Розовой долины

Я живу в самом большом городе Каппадокии. Но здесь нет тех диковинных красот, которые завораживают и привлекают сюда путешественников: лунных пейзажей и высеченных в скалах храмов, каньонов и солёных озёр, подземных городов и красных рек. Кайсери с населением более миллиона жителей странным образом остаётся провинциальным, нетуристическим городом. Его иногда называют «воротами в Каппадокию». Прилетев в аэропорт Кайсери, туристы обычно сразу направляются в Гёреме или Невшехир, не заглядывая в наш город. Кайсери — город, счастливо избежавший нашествия туристов. Поэтому мне выпала возмож-

ность узнать настоящую турецкую жизнь с её исконными традициями. Пожалуй, только зимой приезжают именно в Кайсери любители покататься на горных лыжах в окрестностях нашего вулкана.

Кайсери — это огромный по любуым меркам университет Эрджиес (18 факультетов и 38 исследовательских центров), а студентов здесь больше, чем в Московском университете. Кайсери — это вулкан Эрджиес: высота — около 4-х тысяч метров. Благодаря его извержению возникли космические пейзажи Каппадокии, находящиеся в часе-двух езды от Кайсери. Кайсери — это гора Алидаг, где проводятся чемпионаты мира по дельтапланеризму. И крепости, и музеи, и развалины, но это — как повсюду в Турции.

Неофициальная столица Каппадокии — Гёреме. Туристическая столица. Именно сюда приезжают, чтобы полетать на воздушном шаре. Они зависают над землёй на разных высотах — разноцветные, яркие, ослепительные на фоне солнца. И от этого веет то ли детством, то ли чудом.

Дорога из Кайсери в Гёреме занимает час на автобусе. Сошла я немного раньше, у деревни Чавушин, и, пройдя чуть более двух километров по просёлочной дороге, вышла, наконец, к дивным ландшафтам Каппадокии. Мимо меня проезжали квадроциклы и открытые кроссоверы, поднимая клубы пыли: пассажиры, полагаю, также ею покрылись. Смешные люди. Здесь нужно ходить

пешком! Или ездить на лошадях. Каппадокия, кстати, переводится как «страна прекрасных лошадей». Надо мной пролетели два воздушных шара. Сейчас для них не сезон. Слишком переменчивая, ветреная погода.

Розовая долина, переходящая в Красную, одна из немногих, настолько притягательных для глаза и души, что, стоя на холме и вглядываясь в горизонт, испытываешь восторг. Много неба и скалистых гор причудливой формы. Эти скалы состоят из особого материала — розового туфа, в который превратилась огненная лава после извержения вулканов несколько миллионов лет назад. Особенно здесь красиво на закате, когда заходящее солнце освещает розовато-бежевые скалы ярким светом. Туф — податливый материал. Поэтому здесь можно встретить множество заброшенных церквей и пещер, вырезанных в скалах, увидеть византийские фрески разной степени сохранности. Здесь прятались от преследования ранние христиане и авантюристы разных мастей. Мне по дороге попались две небольшие церквушки, к ним пришлось подняться по вырезанным в скале ступеням. И это было не так просто. Ноги соскальзывали, приходилось помогать себе руками. Одну из церквушек сфотографировала. Но контрастность в таких местах всегда страдает. Не знаю, почему. Снимок вышел не очень чётким. Никаких надписей у этой церкви не было.

Прогулка по Розовой долине превращается местами в поход по горной и пересечённой местности. Нужны хорошая «дыхалка», правильная обувь и физическая подготовка. По дороге я встретила множество пещер. Честно говоря, они похожи друг на друга, отличаются только размерами. Пару раз неожиданно наткнулась на кафе. Но это слишком громко сказано. На небольшой площадке, чуть поодаль от глубокого ущелья, расположились четыре столика и небольшая пещера, служащая служебным помещением. Выбор небольшой: турецкий кофе, чай, вода и свежевыжатый гранатовый сок. Но ничего другого и не надо. И это большая радость — посидеть за столом, потягивая сок после долгого перехода. А ещё — побеседовать с соседями по столу о погоде, о холмах и о разных пустяках. Как всегда, преобладали турки, но было и немало швейцарцев из немецкой её части, прилично, как и большинство европейцев, говоривших по-английски. Один из них, преклонных лет, рассказал: находится в Турции пять недель, методично посещая все интересные места страны. Спросила, не боится ли он, что после возвращения придётся провести дома на карантине две недели. Ответил: ничего не боится. Какой-то нетипичный швейцарец.

В долине есть указатели. Но не везде. Поэтому приходилось всё время решать, куда повернуть. Иногда возвращалась назад, когда тропинка заводила на такой крутой спуск, по

которому можно было бы съехать только на пятой точке.

Наконец, я вышла к дороге, ведущей к Гёреме. До него неблизко. Усталость уже наступила, настроение потихоньку падало, а красоты не радовали. Спасибо попутке, которая сама остановилась и довезла до центра города. Пообедав в одной из кафешек, выпив кофе в кофейне и гранатовый сок в уличном кафе, удержав себя от покупки серебра (а здесь его много и прекрасного), я побрела на автовокзал. Пока ожидала автобус, разговорилась со студентами из Вашингтона. Им предстояло провести ночь в автобусе, который доставил меня в Кайсери через час. Снова говорили о долинах и скалах Каппадокии, а также о дистанционном обучении в университетах...

Каньон Ыхлара.

400 ступеней к усталости

О каньоне Ыхлара знают только продвинутые путешественники или те, кто имеет достаточно времени и средств, чтобы объять всю Каппадокию, часть которой — это необыкновенное место. Чтобы посмотреть Ыхлара и Туз Гёлю (солёное озеро), я приехала в Аксарай — небольшой город, который так и не рассмотрела, поскольку световые дни провела за его пределами. Итак, из Аксарая в каньон можно доехать только на долмуше (маленьком автобусе наподобие российских маршруток), который отправляется один раз в день в 8 часов в будни и в 10 в выходные от

небольшой площади, где расположены торговый центр и офисы города. В долмуше нас было семеро: трое почтенных старцев в серых мятых пиджаках, один из них держал в руках корзину с мирно дремавшей уткой, пара молодых ребят с рюкзаками и пожилая женщина в традиционных турецких штанах. Почему-то у неё не было никакого багажа. Все турки, кроме меня. Ехали молча. Периодически на остановках выходили.

В Турции очень хорошие дороги. Но не в этой области. Трясло, и меня тошнило. Местами вёлся ремонт

дороги: скоро здесь будет хорошее шоссе. Пейзаж — чередование долин и скал с вырубленными пещерами — типичный вид центральной Турции. Дорога заняла минут сорок.

Водитель высадил меня в деревне Ыхлара. И предупредил: обратно он поедет в 16 часов. Я прошла около двух километров до каньона по улицам этой явно не бедной деревни. Двухэтажные каменные дома с резными заборами-решётками. Всю дорогу меня преследовал запах турецкого кофе и свежих булочек, доносящийся из открытых окон и дворов. Было примерно 11 часов. Время пробуждения турков. Каньон открылся неожиданно. Словно возник дыра в земле.

Ыхлара имеет несколько входов, один из них, говорят, бесплатный. Но мне не приходилось выбирать. Вошла оттуда, куда меня подвезли. Обычный билет стоил 60 лир (примерно 600 рублей), 45 лир — для детей и молодёжи до 18 лет, а также пенсионеров. Я показала университетское удостоверение и заплатила 30 лир.

Спуститься в каньон можно по лестнице, состоящей из 400 ступеней. Мне показалось — их значительно меньше. Длина каньона — примерно 16 километров, а высота доходит до 150 метров (это как три 16-этажных дома). Сам каньон расположен между небольшими деревушками Селиме и Ыхлара, откуда есть длинные лестничные спуски. Когда-то этот каньон понравился византийским монахам, которые вырубали в скалах церкви

и монастыри. Сегодня в каньоне более 100 церквей, каждая из них имеет интересную историю и свои сюжеты фресок. Правда, посетить можно порядка дюжины. Запомнилась Цыланлы Килисе (Змеиная церковь). Из-за фрески, на которой изображены 4 змеи, напавшие на грешницу. Там все изображения посвящены теме Страшного суда.

Понятно: не все посетители способны пройти 16 км. Обычно все идут тропами в 3 или 6 километров. И я прошла шесть. К тому же приходилось подниматься по крутым ступеням к скалам, где располагаются церкви.

В глубине каньона протекает горная река. Поэтому дно каньона довольно живописное. Множество деревьев не очень известных видов. Узкая тропинка. Красивые мосты через речку.

Хорошо, что я приехала утром. После полудня, когда я возвращалась, навстречу мне шли уже если не толпы, то большие группы туристов. Но подавляющее большинство — всё же турки. Однажды услышала французскую речь. Прошли две группы молодых людей азиатского вида. Попросив одну женщину, сидящую на скамейке лестницы, сфотографировать меня, выяснила: она из Финляндии, преподающая, как я, в одном из турецких университетов.

400 ступеней наверх — это запомнится надолго! Думаю, что их там значительно больше. Теперь я понимаю, почему финка сидела на ска-

мейке на лестнице. Она просто отды- хала. Почему-то мне не пришло в го- лову остановиться и отдохнуть. Как маленький стойкий солдатик, я всё поднималась и поднималась, обгоняя усталых туристов. И поднялась.

Ассистенты водителей автобусов. Туз Гёлю. Солонее Мёртвого моря

У каждого водителя турецкого междугороднего автобуса крупных компаний есть ассистент. Обычно это молодой парень, который, во-первых, готовит и приносит чай или кофе водителю во время движения и на остано- вках, во-вторых, обходит пассажи- ров, предлагая напитки и печеньки, которые лежат или на подносе, или на тележке, отдалённо напомина- ющей те, которые используют в са- молётах. А в-третьих, он выполняет мелкие поручения водителя, а также связывает водителей с пассажирами. Ассистент также следит, чтобы пасса- жиры не снимали маски, предупреж- дает о скорой остановке, предлага- ет сбрызнуть руки дезинфектором и собирает мусор. В общем, следит за порядком в нашем временном пространстве.

На днях я совершила небольшое путешествие из Кайсери в Аксарай, чтобы увидеть Туз Гёлю и каньон Ыхлара, расположенные на ближай- шем от этого города расстоянии. Туз Гёлю не очень известно в мире, да и среди туристов оно пока не очень популярно. Между тем, в нём много примечательного. Например,

соли в озере больше, чем в Мёртвом море: 340 грамм на 1 литр воды. Зи- мой и весной его средняя глубина 1–2 метра. Летом и осенью вода почти полностью выпаривается, и по нему можно ходить. Я попала как раз в этот период.

К сожалению, мне не повезло уви- деть розовых фламинго, которые об- любовали озеро для гнездовья. Оно, кстати, считается крупнейшим в Сре- диземноморье. Для них нужна вода, а её-то как раз и не было. Порой это озеро становится ослепительно ро- зовым из-за бурного роста опреде- лённого вида водорослей. Розовыми становятся и рачки, поедающие эти водоросли. Этот цвет приобретают и фламинго, которые, в свою очередь, поедают розовых рачков. Кстати, ме- стами это озеро и в мой приезд име- ло розовато-бежевый оттенок.

...Ощущение, как будто ходишь по тёплому снегу. В Каппадокии, где я живу и куда входит Туз Гёлю, сей- час, на мой взгляд, лучшее время. Очень тепло, но солнце уже щадящее. Температура в эти дни была 25 граду- сов. Людей не так много. В основном, это турки, которые семьями посеща- ют это место.

Туз Гёлю расположено по дороге между Анкарой и Каппадокией. При этом здесь нет остановки. Ближай- шая — в Шарефликочосары, до кото- рой 18 километров. Сюда приезжают либо на собственной или арендован- ной (таких мало) машине, либо орга- низованными группами на автобусе.

Из Аксарая я доехала до озера на

автобусе, который направлялся в Анкару. Меня высадили, по моей просьбе, у озера. Как я буду добираться обратно — в тот момент меня почему-то не беспокоило. Я прекрасно погуляла по озеру без обуви, ощутив острые кристаллы подошвами, надев позже сланцы, трогала соль руками, пару раз попросила меня сфотографировать. Потом пообедала в местном кафе и купила в местной лавке кремы и скрабы, изготовленные на основе соли. Затем я решила снова прогуляться по озеру, чтобы посмотреть закат. Он был впечатляющим... Бело-бежевое пространство освещались разноцветными лучами заходящего солнца. Фотографии мало передают этот закатный пейзаж. Да и эмоции не вложить в фото.

Когда, оплачивая пачку розовой пищевой соли, которую я приобрела напоследок, спросила кассиршу, как мне добраться до Аксарая, она ответила: никак. Здесь ничего не останавливается. Не теряя присутствия духа, я решила выйти на дорогу и голосовать. Но никаких результатов это не принесло. Между тем, стало заметно темнеть. Ко мне со стороны кафе подошли двое мужчин и спросили, куда мне надо ехать. Я ответила. Они недовольно пояснили, что женщинам нельзя голосовать на дороге, немного удивившись тому, что я приехала специально смотреть это озеро, а не заглянула сюда по пути, но виду не показали. Предложили зайти в кафе, принесли чай и пообещали что-нибудь придумать.

Если вы замечаете в турецком кафе пару мужчин, день-деньской просиживающих за чаем или кофе, не стоит думать, что это какие-то бездельники. Скорее всего, это владелец кафе и главный бухгалтер. Вот с ними я и столкнулась, и в очередной раз — с турецкой отзывчивостью. Они словно проснулись и начали созваниваться с друзьями-водителями, выясняя, не едет ли кто-нибудь в направлении Аксарая мимо Туз Гёлю. Выяснили. Правда, в тот момент автобус как раз и проехал мимо нас на всех парах. Недолго думая, владелец кафе с бухгалтером подхватили мою сумку с солёными кремами и скрабами, а вместе с ними и меня, и побежали к машине. Мы пустились в погоню за автобусом. Догнали его при въезде в Шарафликочосар. Пересев на автобус и тепло простившись со своими спасителями, я вспомнила: мы даже не представились друг другу. А может, я просто забыла...

В Турции всё есть или чего мне не хватает

Порой я тоскую по самой простой русской еде. Хотя, возможно, она смотрелась бы здесь немного странно и даже непривычно в отрыве от российских реалий. Здесь замечательно пекут белый хлеб и разнообразные лепёшки. Турки знают в них толк. В кафе и ресторанах они выкладывают на стол в специальных корзинах или коробочках — пластиковых или деревянных — удивительно вкусные порезанные порции батона, которые

и хрустят, и пахнут волшеббно. Одними ими можно утолить голод. Но лучше положить поверх пасту Мухаммара из болгарского перца с орехами. Это, кстати, популярное блюдо ближневосточной кухни. Её подают как самостоятельное блюдо с хлебными лепёшками или как соус к мясу, рыбе и овощам. Ещё здесь популярен Хайдари — густой соус на основе йогурта и белого сыра, в смесь которых добавляют чеснок, оливковое масло, мяту и грецкий орех. Они часто подаются в мисочках перед основным блюдом. Я успела привыкнуть к ним. И, как заправская турчанка, деловито и обильно накладываю ложкой или ножом, эти вкусные, но по-прежнему немного странные, на мой вкус, смеси.

А вот чёрного или серого хлеба (в российском понимании) здесь нет. Как и «Бородинского». Особенно я страдаю без «Сельского» от казанского хлебозавода номер три. В магазинах продаются нарезанные порционные хлебцы в пакете: они почему-то слишком сладкие и не портятся целую неделю, но теряют и без того специфический вкус. Сметана тоже не та. Она здесь ближе к сливкам, сладковатая и невероятно густая. Заправить салат турецкой сметаной невозможно. Когда я сделала на Новый год оливье, заправить его так и не получилось. Какие-то молочные комки катались в салате вперемешку с нашинкованными картофелем, морковью и солёными огурцами. Солёных огурцов — боч-

ковых, пахнувших у каждой хозяйки по-разному, но всегда многообещающе — здесь тоже нет. Есть пересоленные до крайней степени огурцы в пластиковых банках самого разного объёма, закрытые вакуумным способом пластиковой крышкой. Первое время я даже морщилась, когда их ела, настолько там много соли.

Я начала солить огурцы, чего никогда не делала в России. Хотя здесь и нет всех необходимых ингредиентов. На базарах не найти зонтиков укропа. Их здесь, видимо, не считают чем-то путным. Казалось бы, зонтики укропа! А вот же, их тоже хочется видеть в банке засоленных огурцов. И кажется: без них не получить правильный вкус. Наверное, чистая эстетика. Или ностальгия. Ещё очень не хватает конфет. Шоколадных. «Птичье молоко», «Грильяж в шоколаде», «Красная шапочка». Некоторые названия уже начала забывать. Но особенно не хватает железных в шоколаде «С барбарисовым вкусом», к которым пристрастилась в последние годы в России. Восточные сладости — пахлава, рахат-лукум — слишком сладкие. Настолько, что после съеденных пары маленьких порций (а больших не бывает) пахлавыв несколько дней ничего сладкого уже не хочется. И нет сгущёнки. Её здесь не делают. Поэтому многие заказывают её тем, кто едет в Россию. К сожалению, в Кайсери нет русских магазинов. Видимо, не набралась критическая масса русских для их открытия. Но сгущёнку

можно заказать в русских магазинах в Стамбуле. А ещё мне не хватает сухарей и сушек. Любых. Молочных. Ванильных. С маком. С изюмом. Не то, что бы я была поклонницей этих специфических хлебобулочных изделий, но оказалось — и они бывают необходимы для полного счастья. Ну, хорошо, не для счастья, но для полноты жизни. Супы — ещё одна боль. Щи-борщи-рассольники-солянки — их здесь нет ни в одном ресторане.

Дома порой готовлю. Но из турецких продуктов, свежих и замечательных, и щи выходят какие-то «турецкие». Из рыбных консервов здесь есть только тунец в масле или в собственном соку. Я и в России не часто употребляла консервированную пищу, но раз в год хочется и такое. Турция окружена со всех сторон морями. И рыба здесь круглый год, поэтому, видимо, и нет необходимости в выпуске консервов.